

ISSN 0321 — 1878

Звезда

2009/12

**К 100-летию со дня смерти
Иннокентия Анненского**

Валерию Попову — 70

Оливер Фриджерн
Три рассказа. С английского

**Альбиша Яржембовская,
Станислав Яржембовский**
Глобальное потепление: домыслы и факты

489854

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ОЛИВЕР ФРИДЖЕРИ

Проза Оливера Фриджери «представляет нам микрокосм крошечной средиземноморской страны, охватывая довоенный и послевоенный период, вплоть до обретения независимости от Великобритании. Рассказы отражают традиции, культуру, предрассудки, запреты, опасения, образ жизни островитян, многое из того, что ныне почти сметено по имя унификации и прогресса», — говорится в аннотации к книге «„Коранта“ и другие рассказы», вышедшей на родине автора — острове Мальта. О мальтийской литературе известно у нас немного, о ней не говорится даже в Краткой литературной энциклопедии.

Оливер Фриджери родился на Мальте в 1947 году, там же окончил университет, где ныне преподает. Он пишет стихи и прозу на английском, итальянском, мальтийском языках. И, думается, не только отражает микрокосм своей страны, но и говорит о вещах общечеловеческих. Мы познакомились в 2001 году за «круглым столом» поэтов Европы в латвийской Сигулде. Началась переписка, взаимные переводы. В 2008 году в моих переводах вышел сборник стихов Оливера Фриджери «Осенняя тишина». Одно из стихотворений этой книги начиналось знаменательной строкой: «Я невопад романтиком рожден...» Мне кажется, и в прозе своей, образцы которой я также попытался перевести с английского на русский, он, при всей реалистической предметности письма, остается в чем-то романтиком. Что на сегодняшний день — редкость.

Илья Фояков

КОРАНТА

Никто не знал ее настоящего имени, но стоило только сказать «Коранта» — и не нашлось бы мальчишки в округе, который не привел бы вас к дверям ее дома. На вид ей было за сорок, и хотя она следила за собой и одевалась по возможности тщательно — ни один мужской взгляд еще не задержался на ней и ее собственное сердце оставалось свободно. И, когда она шла по улице, направляясь в бакалейную лавку или в булочную, она думала о мужчине, которого она могла бы встретить по пути.

«Брак есть таинство, и поскольку это так, он делает нас ближе к Богу», — часто повторял приходский священник. Коранта восприняла этот постулат всем сердцем и время от времени повторяла про себя.

Кто мог бы упрекнуть ее? Она была домоседкой, трудолюбивой и старательной, насколько может быть трудолюбивым и старательным человек, но она была одинока. У нее не было семьи, совсем немного было знакомых. Все в округе знали ее — и никто не знал по-настоящему. Она отвечала каждому, кто здоровался с нею, случалось, что она здоровалась и с теми, кто никогда ни

с кем не здоровался. Ее прозвище звучало постоянно, со временем превратившись в одну из местных легенд, и это все. После заката ее дверь запиралась на громадный старинный ключ и два железных засова, чтобы наутро вновь тихо отвориться к ранней мессе. Это была ничем не заполненная жизнь, и, казалось, она специально делала свои дни еще длиннее, вставая столь рано. В церкви она всегда садилась на одно и то же место, где на нее неотрывно смотрел святой Иосиф, старик с лицом почти черным — то ли от времени, то ли от свечной копоти, то ли от природы. Можно было представить, что она так и росла под его взглядом, изо дня в день.

«Святой Иосиф, Бог тебя услышит. Найди мне мужчину, который полюбит меня!»

Но добрый старик с полураспустившимся цветком в руке не спешил с ответом. Или, может быть, не знал в округе ни одного холостяка в возрасте около пятидесяти, достойного ее?

Свою молитву она знала наизусть, она могла варьировать ее по-разному в разные дни, но завершала всегда одними и теми же словами: «Найди мне мужчину, который полюбит меня». Святой Иосиф тоже давно выучил ее молитву, слушая ее изо дня в день, и наконец проникся глубоким сочувствием к печали своей старой знакомой.

Народу на ранней мессе было немного, все та же горстка таких же, как она, спешащих занять свое постоянное место, а лучше два места. одно — чтобы сесть, а другое, перед ним, — чтобы положить руки на его спинку, никому не мешая. Бесконечное молитвенное бормотание отдавалось эхом в полупустой церкви. Четки в пальцах столь же неустанно скользили в продолжение всей службы, даже в те моменты, когда священник, обращаясь к молящимся, произносил краткую проповедь, начинавшуюся словами «возлюбленные братья» и торжественно завершавшуюся выражением надежды на то, что «после этой жизни все мы вознесемся на небеса и будем блаженствовать в лоне Господнем во веки веков. Аминь». «Аминь», — повторяла про себя Коранта, в то время как глаза ее скользили по лицам присутствующих мужчин. Ее внутренний голос подсказывал: только в церкви можно встретить хорошего человека. Она не допускала и мысли о том, чтобы пойти с такой же целью в город, на Кингсвей. Кроме всего прочего, она боялась толпы. Она была застенчива, легко краснела, что заставляло ее спасаться бегством. Святой Иосиф, казалось ей, может совершить для нее что-то такое, что помогло бы ей — так же как косметика помогает юным девушкам притягивать взгляды сверстников.

Всегда глаза ее натывались на безжалостных уличных мальчишек, взявших за правило выстраиваться за нею хвостом, когда она шла по улице. Кто-то из них, подобрав где-то пару пустых консервных банок, неистово колотил одной о другую; кто-то свистел, засунув в рот два пальца; кто-то размахивал веткой, выломанной мимоходом в каком-то саду, и все при этом пронзительно вопило как сумасшедшие. Когда процессия завершалась, смятые жестяные банки и помятые ветки валялись вдоль всей улицы.

Коранте хотелось плакать, проклиная свою судьбу за то, что ей не дано быть красивее, лучше, стройнее, чем женщины во множестве счастливых семей вокруг. Но судьба уже вынесла свой приговор: есть только то, что есть. Как только сумерки начинали ступаться на улице, женщины распахивали окна в домах, высматривая своих детей. Они смеялись, громко переговаривались, будто поздравляли себя с тем, что у них такие живые, веселые дети, только что устроившие такое занятное шоу для всех соседей. И никто никогда не сказал им «замолчите», даже полицейский сержант, когда он проходил мимо. И Коранта ускоряла шаги, подавленная и растерянная, гонимая оказаться наконец на своей улице и запереться в своем домишке.

Когда она оставалась одна, она и маленькая красная лампадка перед лицом Мадонны, — она зажигала ее каждый вечер, ни разу не забыв сделать это, — слезы подступали к ее глазам. Она чувствовала озноб во всем теле, ее уже сотрясали рыдания. Слезы успокаивают, но, когда усталость слишком тяжела, даже слезы не помогают.

Иногда она спрашивала себя, почему люди либо не замечают ее, либо смеются над ней. Она ни разу никому не сделала зла, впрочем, и возможностей сделать кому-либо добро у нее не было. Она как могла соблюдала приличия, вежливо отвечала всякому, кто заговаривал с ней, а если вдруг она становилась косноязычной, даже начинала заикаться, не могла вовремя найти нужного слова, — то была ведь не ее вина.

Ее дружба с Индри началась достаточно невинно. Мужчина появился на углу улицы с какой-то ношей на плече. Он сбросил свой узел на землю, стал его разворачивать, прохожие останавливались, чтобы спросить его, что он собирается продавать, либо просто устремляли на него долгий взгляд, прикидывая, какой шальной ветер занес его сюда. В свои пятьдесят с небольшим Индри был одинок, и для него было привычным делом растянуться на земле, на паре потропанных и заплатанных одеял в ожидании, что кто-нибудь придет и обещит его работой. Кто нес к нему прохудившееся ведро, кто старый утюг, кто сломанную детскую игрушку. Жестянщик, довольный тем, что все эти штуки еще существуют, раскладывал их вокруг себя, зажигал огонь и прижимался за пайку. Коранта из своего окна могла слышать низкий рев паяльной лампы. Она оглядывала комнату в поисках какого-нибудь дырявого или ржавого предмета, с которым она могла бы предстать перед мужчиной, посланным ей святым Иосифом.

Иногда она приносила ему чашечку чая около десяти часов утра и долго потом прокручивала в памяти простые слова благодарности, которые он произносил, глядя ей в глаза чуть дольше, чем это было необходимо. Иногда она чувствовала, что ее глаза невольно косятся на полуприкрытые ставни вдоль улицы. Она подозревала, что парочка другая уличных сплетниц следит за каждым ее движением.

Когда они решили пожениться, для Коранты это было подобно второму рождению. Событие взбудоражило всех, и сплетни забурили по всей улице. То, что вот-вот должно было случиться, сначала воспринималось как шутка, нечто абсолютно невозможное, выдумка соседей, которым только бы поболтать о чем-либо. Никто не верил, что подобное может произойти на деле.

«Это невозможно, чтобы Коранта вдруг вышла замуж. Она слишком старая и слишком странная, чтобы привлечь хоть кого-нибудь...»

«Но она же не виновата. Она делала все, что могла, никогда не выглядела неопрятной. Она пристойно одевается и следит за собой не хуже других, даже лучше...»

Комментарии звучали не только в частных домах. Я однажды слышал подобные пересуды в кабачке Устина. Там толковали о многом, людей возбуждали политические новости, подогревало выпитое вино. Не знаю почему, но и женщина, о которой идет речь, стала персонажем местных пересудов.

В день свадьбы вся улица гудела ожиданием. В шесть часов вечера черный автомобиль без обычных свадебных украшений остановился у ее двери. Аккуратно одетый мужчина постучал в ее дверь, и она появилась на пороге.

«Вот и я, мадам. Если вы готовы, мы можем ехать», — сказал он.

Она не была юной невестой, но она выглядела как невеста. Годы со всякого берут свою дань, но внутри себя можно оставаться молодым и свежим, как букет свежесрезанных цветов.

Она была явно счастлива, но водитель заметил, что она дрожала. Он хотел помочь ей, но не знал как. Когда машина остановилась возле церкви, из собрав-

шейся толпы раздались крики и свист. Особенно громко орали дети. Мужчины и женщины хохотали, как будто смотрели комическое шоу.

«Коранта, Коранта!» — скандировала в один голос толпа, и было что-то страшное в этом хоре.

«Святой Иосиф, исторгни меня из этого ада», — уныл вскрикнул водитель ее стон.

«Лучше не входить отсюда, мадам, — сказал он, — толпа не пропустит вас».

Женщина не решалась выглянуть в окно. В слезах, но без тени озлобления во взгляде она попросила его подъехать к маленькой двери, ведущей в ризницу. Это было недалеко, и, как только толпа сообразила, куда сворачивает водитель, все устремились следом, свистя и выкрикивая громче и громче: «Коранта, Коранта!»

Приходский священник, появившись среди толпы, попытался успокоить воющих, но его голос потонул в общем гвалте. Тогда он решил предоставить толпу самой себе и ввести невесту в храм.

Красная ковровая дорожка была расстелена полчаса назад. Цветы на алтаре сладко пахли, и красивая бархатная подушечка возлежала на скамеечке для коленипреклонения. Но никто не ступил на ковер, никто не подошел к алтарю, никто не преклонил колен. Венчание состоялось часом позже перед маленьким старым алтарем в ризнице. Когда галдеж снаружи окончательно замер, молодожены крадучись выбрались из маленькой двери. Толпа разошлась, лишь немногие еще медлили, дожидаясь их появления. Но никто более не выкрикивал «Коранта! Коранта!», и жених, теперь уже муж, прошептал ей на ухо, едва водитель тронул с места: «Дорогая, что бы там ни было, я люблю тебя!»

Плача, она спрашивала его, почему *они* все так обошлись с нею, с ними двумя, но ее вопрос был похоронен в его объятиях.

Святой Иосиф из своей ниши видел все и плакал — беззвучно, чтобы не разбудить младенца Иисуса. Полураскрывшийся цветок в его руке наконец расцвел.

ЖЕНЩИНА У ОТКРЫТОГО ОКНА

На улице было тихо. Казалось, все ее обитатели куда-то уехали, или улеглись спать раньше обычного, или просто попрятались в своих домах, чтобы подглядеть украдкой в щелку — как будут выглядеть эти пустые улицы без них. Анна включила радио на полную мощность — музыка взорвалась, заполнив разом всю комнату, проникнув и в душу, до самой ее глубины. Анна упала в кресло и огляделась вокруг, словно бы ища чего-то.

«Хочется пить», — пробормотала она, обращаясь к самой себе. Попила, приготовила чай. Не глядя, выхватила с полки книгу, раскрыла наудачу, стала читать. Через минуту захлопнула, запихнула обратно — туда же, откуда взяла. Прощлась по комнате, разглядывая картины, висевшие здесь и там, пожалуй, чересчур симметрично. Казалось, она видит их впервые. У каждой — своя история. С каждым лицом связана какая-то давняя память, которую хотелось оживить. Она включила маленькую боковую лампу и выключила сильный свет над головой. Все выглядело несколько иначе в этом неполном освещении. Это было как ее память, этот безжалостный диктатор, никогда не отпускавший ее.

Ее руки взлетали и падали в такт музыке, каждое движение отзывалось где-то глубоко внутри нее, наполняя и переполняя. Потом это прошло; казалось, какой-то вихрь сперва подхватил ее, поиграл с ней, а потом оставил и полетел дальше своей дорогой. С громким щелчком она выключила радио, взяла записную книжку с телефонами и набрала первый попавшийся номер. Послушала долгие гудки, разозлилась, что никто ей не отвечает, бросила трубку. «Там

никого нет, там никого нет», — пропела самой себе. Снова сняла трубку, набрала импровизированный номер — позвонила туда, где заведомо никто не живет и не может ей ответить.

Сказала: «Это Анна. Я хочу говорить с высоким человеком с блестящими глазами и уверенным лицом. Давным-давно я видела его в автобусе, по пути в город из нашего поселка. И никогда не видела его после».

Помолчала, выжидая. И ответила себе мужским голосом: «Я тот, кого ты ищешь».

«Привет! (сколько лет, сколько зим», — продолжила она.

«Как тебя зовут?» — продолжила снова мужским голосом.

«Я — Анна, женщина с длинными волосами, в длинном цветном платье. Женщина молчаливая или болтливая — в зависимости от настроения. Помнишь меня?»

«Помню тебя, отлично помню!»

«Как же ты можешь помнить меня после стольких лет?»

«Нет в мире Анны, кроме Анны».

«Правда? Разве так может быть?»

«Нет в мире женщины, подобной тебе».

«Почему же? Это невозможно! Ты преувеличиваешь!»

«Все другие женщины зачесывают волосы наверх или коротко стригут их. И ни одна из них не носит длинных одежд. И все они слишком доступны. Я хорошо тебя помню. Как ты теперь?»

«Я такая же, как была в тот день. Я никогда не меняюсь».

«Я помню тебя в тот день счастливой, спокойной, уверенной в себе и полной плапоп».

«Я и сейчас такая», — с некоторым усилием сказала она.

«Поздравляю!»

«С чем же?»

«Обычно время меняет людей. А тебе дано оставаться такой, какая ты есть. Ты твердо стоишь на земле. Но, как я сказал, нет на земле никого, кто мог бы сравниться с тобой. Вот почему я тебя никогда не забуду».

Анна умолкла и бросила трубку на рычаг: придуманная игра вдруг показалась ей пошлой.

Сделав пару нерешительных шагов, остановилась. В тишине комнаты картины, казалось, были готовы заговорить. И Анна позволила им это. Прикрыла глаза, опустила глубоко в кресло. Казалось, она уснула, но в мозгу ее засверкали воспоминания: «Этой картинке пять лет. Кажется, только вчера я встретила тебя на пляже, Сандро. Было почти уже темно, люди расходились, и не требовалось особой отваги ни с твоей, ни с моей стороны, чтобы приблизиться друг к другу, ибо не было никого вокруг, кроме равнодушного моря, чтобы увидеть происходящее. Потом мы бросились в воду, поплыли, и ты сказал мне, что у каждой твоей картины есть история и каждая история может стать картиной. Тебе в тот вечер хотелось написать кого-нибудь, вот почему ты обратил на меня внимание. Где ты сегодня, Сандро?» Она вздохнула и нежно провела правой рукой по краю рамы. Взяла телефон, набрала первые несколько цифр, пришедших ей в голову, снова положила трубку: «Ты был прав, Сандро. Всякая история имеет конец».

Она подошла к другой картине, приоткрылась к ней, взглянула сердито: «Ты помнишь, Антон? Мы были еще школьниками, вместе учились, играли. Ты сказал мне, что любишь рисовать лица девушек, попадающих тебе на глаза. Это могла быть любая, но в этот раз оказалась я. Я не хочу тебя вспоминать, но картина слишком хороша, чтобы ее выбросить», — сказала она, ощутив прилив эмоций.

Антон когда-то сказал ей: «Ты как костер, который вечно горит. Никогда не разгорается в полную силу, но и не гаснет». Эти слова задели ее, и с этой минуты она стала охладевать к нему.

«Костер — всегда костер, — ответила она тогда, — горит ли он ярко или затаянно тлеет. Одной искры хватит, чтобы поджечь целую рощу».

Антон был весь на виду, как раскрытая книга. Часто звонил ей, писал письма, являлся без предупреждения.

«Ты нетерпелив, — увещевала она. — У тебя слишком напористый график».

«А чего же мне ждать?» — решительно возражал он

«Времени. Того времени, которое придет».

«Время-то как раз и не ждет. Жизнь коротка. Уже темнеет, ты и не заметишь, как темнота обнимет и поглотит тебя. Послушай меня!»

«Это твоя философия, — укоряла она. — Дешевая философия».

«При чем тут цены?»

«Это дешевая философия! Попробуй продать ее на рынке, и увидишь сам...» — засмеялась она

«Неблагодарная!» — крикнул Антон: гордость его была уязвлена. С этого дня она больше его не видела.

Воспоминание сделало ее гордой и злой, спокойной и независимой. Она подошла к полуоткрытому окну и с силой его захлопнула. Она погладила цветы, которые всегда держала в углу, и, как всегда, негромко сказала им: «Растите. Растите в тишине и никогда не старейте. А я старею слишком скоро, чересчур скоро».

Она подошла к письменному столу и разворошила бумаги. Нашла стихотворение Рубена, которое она доныне любила. Стала читать его вслух прерывающимся голосом, словно боясь, что она читает недостаточно выразительно. Кажалось, что Рубен присутствует в комнате, сидит в кресле и слушает ее, готовый сделать замечание:

Быть может, я — ковер, и ты идешь по мне,
ступаешь босиком в глубокой тишине,
как фея озера! О если бы я смог —
сбросил бы каждый след прохладных влажных ног.

Она сжала губы и закрыла книгу. Это было субботним вечером на безлюдной улице. Рубен находился в меланхолическом расположении духа. Анна поглядела ему прямо в глаза, чтобы привлечь его внимание, и прочла ему короткую проповедь. «Твои капризы не приведут ни к чему хорошему! Ты ничего не достигнешь! Раз уж мы существуем, мы должны радоваться солнцу с утра и луне — с вечера!» — почти приказала она ему.

«Я не понимаю тебя, — ответил он. — Я понимаю солнце и луну лучше, чем тебя. Твоя пирада напоминает мне школьную арифметическую задачу, которая никак не хочет решаться, сколько бы я ни старался», — ответил он. И, подобно всем своим предшественникам, пошел своей дорогой и больше не появлялся. Он по-прежнему пишет стихи, но совсем другие и о другом.

Анна подошла к зеркалу и взглядела в свое изображение, которое ответно взглядывалось в нее. «Ты оттолкнула их всех, — сказала она нерешительно. — Ты была нужна им, а тебе никто не был нужен. Как это печально, женщина, — дожить до такого состояния, когда все и вся кажется лишним или вторичным. Моя чаша допита», — закончила она с горькой улыбкой.

Часы на лестнице пробили полночь. И не было ничего, кроме сонной тишины.

«Смотри, какая ты странная, Анна, — продолжала она разговор со своим отражением в зеркале. — Ты не такая, как все. Вот и сейчас ты на ногах, когда

вокруг все звуки умерли. Кто тебя поймет? Для тебя солнце всходит, когда становится темно, а садится — когда для всех других наступает рассвет. Лето наступает с холодами, зима приносит жару. Ты живешь в своем страшном мире. В нем свои законы, которых не знает никто, кроме тебя. Рубен был поистине глуп, когда пытался тебя понять»

Она вдруг остановилась. И продолжала уже другим тоном: «Как ужасно это! Воскресный вечер, его полагалось бы провести с друзьями, а я одна. И со мной так уже бывало много раз, мне знакома эта тишина. Такое чувство, что я только что набрала номер телефона и жду, чтобы мне ответил кто-то добрый и ласковый. Кто? Мне кажется, я знаю всех вокруг меня, и в то же время у меня такое ощущение, что я только что сюда приехала. Все знакомо и все ново. Как это ужасно!»

Лицо в зеркале — тоже картина. Как те портреты, украшавшие комнату. Анна с удивлением вглядывалась в свое лицо. Распустила волосы, долго расчесывала их. Волна за волной, пока лицо в зеркале не стало другим. Волосы падали на плечи, закрывали щеки. «Кто это? Чье это лицо? Чьи глаза? Они похожи на две лодки, дрейфующие в океане», — думала она. Привыкшая проводить многие часы перед зеркалом, она впервые рассматривала свое отражение столь пристально.

«Это твоя вина, Натан. Ты написал меня когда-то совсем не похожей и до сих пор пытаешься убедить меня, что это я. Но я никогда не соглашусь с этим образом. Он мне не нравится, и я не повесила твою картину на стену. Я женщина, и я творю себя сама. Что хочу — сохраняю, что хочу — отбрасываю», повторила она со столь знакомым ей чувством раздражения и гордости.

Натан когда-то сказал ей с присущей ему нервной нежностью: «Ты — цельная женщина, но ты состоишь из множества несовместимых элементов. Ты всепонимающая и невежественная, смущенная и смущающая, твое одиночество кажется вызывающим, ты — одинокая независимая башня, способная выдержать долгую осаду. Ты всегда готова к войне и всегда побеждаешь, когда битва еще и не началась. А я — бедный солдат, который мечтает о славе и погибает в самом начале сражения, в еще чистом мундире, с новенькой винтовкой за плечом, не успев заслужить никаких медалей, напрасно и бесславно».

«Ты не понимаешь меня. Со всей твоей мудростью, со всеми твоими книгами ты не понимаешь ничего, — упрекала она его раздраженным, ироническим тоном. — Выбрось все страницы, которые ты писал этими тихими ночами, потому что они ничего не значат для меня».

«Они ничего не значат для тебя, потому что ты не знаешь, что они сочатся кровью. Все слова в них — красные, если поглядеть изнутри. Каждая страница — рана. Сожми любую — и закапает кровь. Прикоснись — и твои руки станут красными. Убийца! Убийца!» — обвинял он ее.

«Уходи отсюда, Натан, ты становишься опасным», — потребовала она, стараясь скрыть от него невольные слезы.

«Почему?» с невинностью ребенка спрашивал он. — Я никогда не думал, что могу быть опасным! Ты же сама называла меня иногда мальчиком».

«Потому что я боялась наступит день, и я пойму, что не могу жить без тебя. Такой день может наступить, а я не хочу этого. Если он придет, я скажу себе, что проявила глупость, перестану быть толстокожей. Уходи, Натан. Уже поздно, и я хочу спать», — говорила она ему голосом одновременно ледяным и нежным. И Натан ушел. Его картина была последней, самой недавней в ее коллекции.

Зазвонил телефон. «Это Натан, — сказала она себе. — Я не отвечу». Опустившись на диван и слушала звонки, пока они не прекратились. «Я всегда побеждаю, Натан. Звони сколько хочешь. Знай, что я слышу твои звонки, но не обращаю

на них внимания, как невозмутимая олимпийская богиня». Она грубо расхохоталась, но вскоре замолкла. «Звони, звони. Ты мой раб. Только один мужчина смог ранить меня, когда я была молода и неопытна. Сегодня меч в моих руках, и он заострен против всех мужчин. Мужчины высокомерны, и разговаривать с ними можно только с оружием в руках. Я победила тебя, как и других, Натан», — воскликнула она, вытирая правой рукой слезы, бежавшие по ее щекам.

Неожиданно она почувствовала себя усталой и закрыла глаза. Для заключительной сцены понадобился бы снова художник: ночь, комната, увешанная картинами, маленькая непогашенная лампа и женщина с распущенными волосами, погруженная то ли в свои воспоминания, то ли в сны.

«Я ДОВОЛЕН», — СКАЗАЛ СВЯЩЕННИК

Прошло пять лет с того дня, как он стал священником. Он мог сказать, что каждый из прожитых дней не был похож на предыдущий, и то, чем ему приходилось заниматься, не приносило ему огорчений. Насколько он мог судить, он достойно исполнял свой долг. Он не напрасно тратил время. Он жил поблизости от Бога и в то же время среди людей. Отец Антон вставал с первыми лучами солнца, сившего у него в окне, творил утреннюю молитву и спешил в маленькую церковь, в которой он был настоятелем — бедную старую капеллу в тени рощи, обращенную лицом к поселку. Он любил срезать несколько свежих цветов в небольшом саду и украсить ими алтарь: он делал это с должным благоговением, но в то же время цветы были и его увлечением, его хобби, если употребить это модное словечко. Как священник он усвоил, что таких «хобби» не может быть слишком много, и они не должны быть чересчур разнообразны. Его сану приличествует сосредоточенность и целеустремленность.

Когда епископ сказал, что он готов доверить ему приход, отец Антон был и счастлив, и несколько испуган. Впрочем, день ото дня страх уменьшался, а чувство счастья росло. Первое, о чем он подумал, было новое распятие для главного алтаря.

«Мне нужно большое распятие, которое в полный голос говорило бы о страданиях Христа», — сказал отец Антон местному скульптору.

«Я сделаю то, что вы хотите», — отозвался мастер, но выглядел при этом несколько озадаченно.

«Ты меня понимаешь?»

«Понимаю, понимаю, — ответил скульптор, но в самом тоне его по-прежнему чувствовалось недопонимание. Но разве не каждое распятие говорит о страданиях Христа? А если нет — какое же это распятие? Что еще может оно значить для нас?»

«Я не хочу такого распятия, где Христос представляется ничего не чувствующим. Разве ты не видел таких распятий, которые как бы пытаются убедить нас, что распятый не испытывает никаких страданий?»

«Вы правы...»

«Умиравший Христос жестоко страдал. Совершенно так же, как страдаем, умирая, все мы, смертные люди. Иными словами, Он — человек, который не мог более терпеть боль, телесную и душевную, боль одиночества. Сделай Его похожим на тех, кто живет здесь; выбери за образец лицо кого-нибудь из местных. Наш Христос — один из нас, человек из плоти и крови. Я хочу, чтобы Он был одним из тех, кого мы знаем и узнаем.»

«Интересная мысль, святой отец.»

«Она не только интересна. Если мы не будем видеть во Христе друг друга, если мы не будем узнавать в Нем своего соседа, мы нарушим Его же завет: возлюби ближнего, как Я люблю вас всех. Можешь ли ты представить себе

Христа не страдающим, не обращающимся ко всем униженным и оскорбленным? Радость, которую дарит нам судьба, приходит через сердечную боль. Это боль, превращающаяся в радость. Подобно тому, как здесь, в церкви, кровь Христа превращается в наши слезы.

Скульптор слушал внимательно. «Я понял вас, — сказал он. — Прежде всего я перечитаю все, что написано о Его страданиях и смерти. Потом проведу некоторое время в размышлениях. И лишь затем приступлю к работе».

Отец Антоний готов был плясать от радости, когда увидел конечный результат. Скульптор был горд. И лишь одно смущало его: церковь была слишком мала, а новое распятие — слишком велико для нее.

«Я счастлив, что моя работа понравилась вам, — сказал художник — Но ведь она едва-едва поместится в капелле. И будет выглядеть несоразмерно все остальное по сравнению с ней покажется карликовым».

«Все так, распятие и впрямь слишком велико для такого маленького помещения, но я и хотел, чтобы каждый входящий испытал потрясение, увидев Христа, взирающего с высоты на всех и каждого. Я хочу, чтобы люди почувствовали: нет на свете ничего выше и больше, нежели распятый Христос. Что Он велик и ничему не соразмерен в этом мире. И что потрясение, которое испытывают они, рождено страданием, ибо твой Христос исполнен страдания и одиночества. И если кто-то не принес в с собой в церковь свой собственный крест, он мог бы и не приходить. Кто не знает страдания, тому не нужен Христос; кто не знает страдания, тот не был рожден на свет или был рожден, но сам того не заметил», — сказал отец Антон

«Это распятие заставило меня о многом подумать, оно не было просто очередной работой для меня. Когда вы пришли ко мне в первый раз и сказали, чего вы хотите, я думал, что это будет такая же работа, как всякая другая. Но когда я приступил к ней, я не знаю, не знаю, как это оказывать, я начал чувствовать в душе смятение и даже страх», — признался художник.

«Но почему же страх?» — спросил священник.

«Мне пришлось в голову: вот придут люди и увидят мою работу, которая напомнит им о Христе. Вы почти буквально сказали, что Христос будет зависеть от меня — в том смысле, что от меня будет зависеть, насколько поймут и полюбят Его люди вашего прихода, отец Антон. Кто может сказать, достаточно ли хорошо выполнил я свой долг в Его глазах? Во всяком случае, я сделал все, что мог».

«Успокойся. Видно, что ты сделал свою работу не только с большим искусством, но и с верой в душе. Но вера — это любовь. Люди посмотрят на Него и примут Его в свое сердце. Разве не для этого ты трудился? Разве этого недостаточно для удовлетворения?»

Скульптор дважды кивнул в ответ и улыбнулся.

Те же самые вопросы, которые волновали мастера, священник задавал себе каждый день: «Я отвечаю за людей, за их веру, она зависит от того, что я им говорю, от того, как я веду себя», — повторял он сам себе. Когда ризничий, он же звонарь, вызванивал «Аве Мария», и солнце начинало клониться к закату, и узкие улицы деревни постепенно пустели, он частенько выбирал погруженный в сумрак уголков церкви и молился там, молился по-своему, своими словами, которые сами приходили к нему. в то время как его усталый разум странствовал. Здесь, в этом удаленном и забытом уголке мира, где большинство обходится лишь минимальным образованием, где живут без претензий, он воображал себе великие города мира, где не слышен звон колокола во славу святой Марии, где лишь немногие ходят в церковь. Ему представлялись миллионы и миллионы людей, которые работают, чтобы есть, живут, чтобы зарабатывать деньги, зарабатывают деньги, чтобы жить, не думая ни о чем другом.

«Какой смысл в этой жизни без Тебя, Боже? Что произойдет с нами, когда сердце свершит свой последний удар и наступит вечная ночь? Почему мы все должны умереть? Почему мы умрем здесь, в этой безвестной деревушке, в то время как весь остальной мир продолжит свой путь? Что существует в мире, кроме нашего ничтожества и семечка смерти, которое мы носим в себе повсюду? Говори, говори, Боже! Не терзай меня больше Своим молчанием!» Он поднимал глаза и видел над собой огромное распятие.

Иногда к нему приходила мысль, что он мог бы жить как все — встретить девушку, полюбить ее, жениться, растить детей. Для священника абсурдно и банально существовать так, как будто не существует ничего иного, кроме сегодняшней реальности и завтрашней могилы. Сердце его томилось, и он прилагал все усилия, чтобы никто не заметил этого.

«Я чувствую Тебя рядом со мной и во всем, что меня окружает, Боже, но я умоляю Тебя: не молчи! Я чувствую себя таким одиноким, когда я запираю церковь и бреду один по опустевшей улице, вхожу в мой дом... и теперь уже все у себя дома, поскольку и я, последний из всех, дома... и я запираю дверь... и какой абсурдной была бы вся эта жизнь, не будь она посвящена Тебе! Ты — Ты, творящий чудеса, собирающий целые народы в свой караван, властвующий над мыслями многих и многих, повелевающий всем миром, — Ты, во всем величии своем, пожелал, чтобы я, ничем не примечательный, совсем еще молодой человек, напоминал людям о Тебе, заставлял их вспоминать Твои слова! Я нахожусь здесь, чтобы напоминать им, чего Ты хочешь от них. Я призван бороться за Твои права! И я боюсь, что, если люди, подобные мне, не будут биться за Тебя, для Тебя уже не останется места в этом мире!»

Отец Антон боялся произнести вслух эти слова. Он набирался смелости высказать их, вглядываясь в огромное распятие, почти потонувшее во мраке пустой церкви, освещенной лишь единственной свечой, чьи красноватые лучи едва пробивались сквозь мрак. Отец Антон чувствовал, как этот мрак постепенно проникает и в его душу.

«Говори, Боже, повтори хоть одно слово из тех, великих и прекрасных, которые Ты обращал к людям две тысячи лет тому назад! Соверши еще одно чудо, хоть маленькое. Сделай так, чтобы оно произошло на деревенской площади, в десять часов утра, когда там больше всего народа, чтобы каждый мог увидеть его своими глазами и никто не посмел бы отрицать его! А потом те, кто видел, расскажут тем, кто не видел, и Слово распространится, и неверующий уверует в Тебя. А еще через день газеты, радио, телевидение разнесут новость по свету, и ни у кого не останется больше сомнений».

Отец Антон молился. Но мысли его улетали все дальше от родной деревни: «Здесьние люди любят Тебя, даже когда они не вспоминают о Тебе; даже их грехи — свидетельство веры. Ибо их грехи малы. Эти сельские жители не могут отпасть от Тебя; они уже Твои, что бы ни случилось, ибо Ты избрал их. И потому — яви свое чудо в Нью-Йорке, в Москве, Париже, Лондоне — где-нибудь в центре большого скопления людей».

Была суббота, послеполуденные часы, и шумная вереница детей протянулась от середины церкви к исповедальне. Как вдруг еще один мальчишка вбежал в храм, пробился сквозь цепочку сверстников и обратился к отцу Антону. «Отче...» — сказал он, с трудом переводя дыхание. Было видно, что он гордился своей миссией, особенно тем, что все приятели видели и слышали происходящее. «Не спеши, не спеши, сын мой, — сказал священник с улыбкой. Успокойся и говори, в чем дело».

«Один человек очень хочет видеть тебя, отче,» — сообщил, отдышавшись, мальчик, — он ждет тебя у твоего дома».

Священник выглянул из исповедальни и оглядел цепочку детей: «Я приду».

Скажи ему, что я приду скоро, пусть он подождет немного. Скажи ему, я приду». Он погладил дважды мальчишку по голове, и тот умолк.

Подойдя к своему дому, отец Антон сразу увидел ожидающего. Человек этот не был ему знаком. Ускорил шаг, одновременно сунув руку в карман своей рясы, чтобы достать ключ, и уже с ключом в руке приветствовал гостя.

«Благодарю вас. Сердечно благодарю», — отвечал незнакомец. Они вошли в дом, отец Антон приготовил для пришельца чашечку чая.

«Вы не знаете меня, — начал гость, — но я знаю вас. Я постарше вас и помню вас еще мальчишкой».

«Так вы из нашей деревни?» — спросил священник.

«Я родился здесь. Но уехал в Америку в дни моей молодости. Я бежал от всей этой ограниченности, этой малости здешнего мирка. Я искал для себя лучших возможностей, я хотел видеть мир. Вещь-то мир я, конечно, так и не увидел, но достаточно было одной Америки, чтобы понять, как разнообразна жизнь. Я научился делать деньги и сегодня могу считаться маленьким магнатом от бизнеса — во всяком случае, недостатка ни в чем не испытываю. Я жил среди людей, я испытал все, что только можно. Я жил в больших городах и видел миллионы людей, заполнивших бесконечные улицы. Я видел, как день начинается среди ночи, вместо того чтобы завершиться с закатом. Я не пытаюсь произвести на вас впечатление, когда говорю: «я жил полной жизнью».

«Примите мои поздравления. У вас есть семья?»

«Нет, я так и не женился. Я хочу сказать — я вырастил в себе чувство независимости, какого никогда не испытывал в детстве. Тогда я ничего не мог сделать сам — все было расписано для меня заранее. Я не знал, что такое расставания. Люди вокруг меня были все на одно лицо, с теми же самыми маленькими домашними интересами. А там — вы должны исчерпать себя до предела, использовать все слова, которые знаете, — использовать их с толком, сжечь каждую унцию заложенной в вас энергии. Это и есть полная жизнь, как я ее понимаю».

«Но сейчас вы приехали сюда — отдохнуть, как я полагаю?»

«Нет, не отдохнуть. У меня больше нет причин уезжать отсюда. Я приехал сюда, чтобы умереть там, где родился. Я не сентиментален, как вы, наверное, заметили. Я жил на свете достаточно долго и научился не предаваться пустым сентиментам. Я вернулся сюда, потому что ощутил в этом необходимость. И я остался здесь навсегда».

«Навегда», — повторил священник, не зная, что сказать еще.

«Навегда. То есть на то недолгое время, которое еще отпущено мне. Я хочу снова вспомнить себя счастливым маленьким мальчишкой, который играет в поле, бегает по улицам и радуется жизни без всякой причины, не нуждаясь ни в каком поводе для того, чтобы быть радостным. Отец Антон... — Гость замолчал на миг, склонил голову и вскинул ее снова. Я не сказал еще о самой главной причине, побудившей меня вернуться. Все это время, хоть я ни в чем не нуждался, я не был доволен жизнью. Чего-то не хватало мне — во мне. Я ощущал пустоту, тоску, которой нет имени, но которая, тем не менее, существует. Никакими деньгами, никаким благополучием, никакими человеческими контактами, никаким кружением жизни вокруг меня я не мог заглушить эту тоску. И вы знаете, что самое худшее в таком состоянии? То, что я и сам толком не знал, чего я хочу. Разве что хотелось и впрямь немного отдохнуть и убедить себя, все у тебя в порядке и всегда будет в порядке».

Гость глубоко вздохнул и откинул голову на спинку кресла.

«Но что же мешало вам поступить так?» — спросил священник.

«Я хочу задать вам один очень личный вопрос, отец Антон».

Священник улыбнулся, кивком головы и жестом руки приглашая собеседника высказаться.

«Довольны ли вы своей жизнью? Можете ли вы глянуть в зеркало и сказать: вот счастливый человек?»

Отец Антон улыбнулся серьезной улыбкой и опустил глаза, исполненный одновременно застенчивости, решимости и смирения.

«Да, я верю, что могу быть доволен. Я так чувствую. Я верю, что я доволен», — сказал он тоном человека, который хочет быть уверенным в своих словах.

«Может быть, это излишний вопрос, но почему вы чувствуете себя довольным? Я сделал многое для того, чтобы жизнь моя была полной. Я боролся за свое место под солнцем. Я добыл много денег и потратил много денег — все для того, чтобы чувствовать себя счастливым. И вот я вернулся. — Гость сделал паузу, чтобы посмотреть в глаза священнику и найти силы продолжать. — А вы оставались здесь. Вы живете в бедности, в этом маленьком доме. У вас нет семьи. Но вы еще молоды, вы могли бы жениться, сделать карьеру, радоваться жизни, чувствовать себя свободно. Мне кажется, извините меня, отец Антон, что в сравнении со мною вы и не жили вообще. Даже не старались. Вы делали все, что могли, для того, чтобы у вас не было жизни, — и вы преуспели в этом. В сравнении со мной вы неудачник, молодой человек. Верующие говорят, что восхищаются вами, но не могут жить так, как вы. Неверующие говорят, что вы фанатик. Вы ничем не насладились в жизни — и утверждаете, что довольны?»

На лице священника расплелась произвольная улыбка: «Да, я доволен, я счастлив».

«Я не сомневаюсь в этом, молодой человек. Будь иначе, я считал бы вас безумцем или больным, который получает удовольствие от растрачивания своей жизни попусту и сам же себя казнит. Вы довольны жизнью — это написано у вас на лице. Вы научились быть счастливым, не тратя денег и не сражаясь ни с кем, в отличие от меня».

«Деньги, борьба — все это не имеет значения. Вы тоже еще можете быть счастливы».

«Не имеет значения? Отец Антон, я всю жизнь потратил на поиски счастья — в деньгах, в путешествиях, в борьбе...»

«И все это напрасно, ибо вы и сейчас — в поиске. Насколько я понял, именно поэтому вы вернулись сюда, в эту маленькую деревню, бежали от шума больших городов в тишину этого захолустного места...» Священник вдруг вспомнил, как еще недавно, преклонив колени у подножия распятия, он, вместо того чтобы молиться о своей деревенской судьбе, представлял себе миллионы и миллионы людей. И вот сейчас, неожиданно, эти миллионы материализовались в сидевшем перед ним человеке.

Гость продолжал вглядываться в глаза священника. «Вы могли бы быть моим сыном, — произнес он. — Вы так молоды! И, может быть, вы поможете мне теперь обрести то, что я упустил в эти минувшие годы?»

Отец Антон пригласил гостя в церковь и подвел его к распятию. «Взгляните на Него, и вы поймете, почему я счастлив. Счастьем своим я обязан Ему. У меня нет жены, нет детей, — но Он сделал меня счастливым и это не стоило мне ни единого пенни. Это очень экономичное счастье, оно доступно самым бедным, по его не купишь и за самые большие деньги. Взгляните на Него хорошенько».

Гость поднял глаза, пристально изучая каждый дюйм израненного тела. «Ваше счастье зависит от Него, распятого, бессильного, умирающего? Он, сам нуждающийся в помощи, делает вас счастливым? Когда-то, ребенком, я верил, но сейчас...»

«Сейчас вы готовы к тому, чтобы поверить еще сильнее. Ибо вы прошли испытание безверием, жизнью без Него. И ощутили в себе пустоту. Друг мой, ваше состояние предпочтительнее моего. Потому что проводивший годы вдаль от Него нуждается в Нем еще больше, чем я».

«Вы хорошо говорите, мой молодой друг. Откуда берете вы такие слова?» — сказал гость удивленно и отчасти даже с некоторой завистью.

«Я всего лишь бедный священник, но я сделаю вам небольшой подарок, сказал отец Антон, доставая из кармана книгу. Теперь, когда вы всмотрелись в Него, перечитайте историю Его жизни. Он жил в бедности, Его хотели убить, едва Он родился, и в конце концов Его распяли в самом расцвете Его жизни. Счастье наше началось с этой трагедии. Ибо Он воскрес и жив поныне. Почувствуете это так же, как чувствую я».

«Евангелие, — сказал гость, глянув на книгу. — Я читал эту книгу, я был обязан ее прочесть. Все мы читали эту книгу в молодости».

«Прочтите ее опять, и она покажется вам новой, как если бы вы никогда прежде не читали ее. Есть много такого, что сопровождает нас в течение всей жизни, и нам кажется, что мы все это давно знаем, а на самом деле не знаем ничего. Мы не знаем Евангелия, даже если мы выучили его наизусть. Перечитайте. Дайте мне слово, что прочитаете!»

«Прочту, прочту. Скажите, вы верите, что Он воскрес из мертвых?»

«Верю, но, кроме того, я это чувствую. У меня есть вера, но у меня есть еще и убежденность. И эта убежденность не требует доказательств. Мы привлекаем доказательства, когда речь идет о предметах вторичных, нуждающихся в подтверждении. Но есть вещи, которые выше любых подтверждений, шире любых расхожих представлений. Если вы искренне поверили в то, что я счастлив, поверьте и в то, что я говорю вам сейчас».

Собеседник перелистал Евангелие и спрятал его в карман. «Спасибо большое, молодой друг, — сказал он. — Ваше понимание счастья заинтересовало меня. Вы не делали карьеру, не наслаждались жизнью, не гнали за деньгами — и вы обрели счастье, которое приходит изнутри, а не извне».

В тот же вечер отец Антон опустился, как обычно, на колени перед распятием. Это было время, когда все вокруг затихает, все местные жители уже в постелях и в темноте церкви мерцает лишь одна свеча.

«Сегодня я могу говорить с Тобой не так, как обычно, Боже, — говорил он. — Как часто я умолял Тебя поговорить со мной! Как молился о том, чтобы Ты подтвердил мне, что Ты рядом, и успокоил мою душу! Сегодня Ты говорил со мной так, как мне давно хотелось. Ты успокоил меня, и я более не стану беспокоить Тебя излишними просьбами. Как непостижим Ты, Иисус Христос! Ты заставляешь людей чувствовать Тебя, не видя Тебя, Ты велишь людям, отпавшим от Тебя, почувствовать нужду в Тебе!»

Отец Антон поднялся с колен, перекрестился, потушил свечу и, выйдя, запер за собой дверь церкви. «Я счастлив, я счастлив», — говорил он себе в своем недолгом пути домой. Ему хотелось кричать об этом, чтобы все его слышали. «Но почему, Боже, Ты избрал меня, чтобы напоминать людям о Тебе? Почему меня? Я не знаю, но такова Твоя воля, и я счастлив».

Перевод с английского Ильи Фомякова